

Особенности культурного строительства в Советской России 20–30-х годов: к вопросу о субъектном аспекте истории

А. В. КОСТИНА

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

Период 20–30-х годов в Советской России был связан со сменой типов субъекта исторического действия. Качественную специфику общественного развития 20-х годов составляло то, что было связано с проявлением личностной активности, период 30-х годов стал временем доминирования массовизированного индивида, отличительными чертами которого являются подчинение стратегиям управления извне.

Ключевые слова: субъект, история, личность, креативность, пассивность, коллективизм, конформность, тоталитаризм, пролетариат, человек массы, крестьянство, социальная адаптивность.

Features of Cultural Construction in the Soviet Russia of the 1920–30s: to the Question on a Subject Aspect of History

A. V. KOSTINA

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

The period of the 1920–30s in the Soviet Russia was connected with the change of types of historical action subject. The qualitative specific character of social development in the 1920s was made by things connected with personal activity display, the period of the 1930s became the time of domination of the mass-man whose distinctive features were submission to strategy of management from the outside.

Keywords: subject, history, personality, creativity, passivity, collectivism, conformity, totalitarianism, proletariat, the mass-man, peasantry, social adaptability.

Эпоха 20–30-х годов XX в. в Советской России была периодом, в границах которого осуществился последовательный переход от одного типа культуры к другому. Учет то многообразие тенденций, которое характеризовало этот период, не просто, но возможно. Однако для создания верифицируемой модели этого процесса представляется целесообразным выделение его наиболее принципиальных, структурообразующих элементов и «вынесение за скобки» многих, возможно, существенных его составляющих. В качестве достаточно объективного подхода, позволяющего делать определенные обобщения, представляется продуктивным субъектный подход — анализ ведущих тенденций социокультурного развития этого

достаточно локального периода с точки зрения доминирующего в 20-е и 30-е годы типа субъекта исторического действия.

Предварительно представим основной тезис: советская эпоха 20–30-х годов предстает периодом резкой смены типов субъекта исторического действия. Специфика общественного развития 20-х годов определялась количественным доминированием личности коллективного типа, но качественную специфику этого времени в значительной степени составляло то, что было связано с проявлением личностной активности. Именно в 20-е годы и социальная и художественная активность была столь существенна, что это позволяет рассматривать первое послереволюционное десятилетие как время интенсивного разви-

* Костина Анна Владимировна — доктор философских наук, заведующая кафедрой культурологии Московского гуманитарного университета. Тел.: (495) 374-61-81. Эл. адрес: anna_kostina@inbox.ru

тия активно-личностного начала в культуре, период же 30-х годов стал временем доминирования массовизированного индивида, отличительными чертами которого являются подчинение стратегиям управления извне.

**Субъект культуры 20-х годов
как созидатель социального пространства:
крестьянство**

Октябрьская революция 1917 г. была выступлением не только и не столько против прежней политической системы, сколько против основных духовных ценностей прежней культуры. Это было неосознанное стремление разрушить прежний образ России, а затем войти в это пространство в качестве нового субъекта, творящего собственную историю. Данный процесс демократизации стал периодом пробуждения социальной активности масс и их вступления в общественно-политическую жизнь. При этом структура послереволюционной культуры принципиальным образом изменилась, все подсистемы культуры существенно изменили свое прежнее содержание. Дворянская культура — основа российской культуры, обладавшая мировым значением (заметим, что по переписи населения 1897 г. дворянство составляло 1,5% (История СССР..., 1986: 7), — оказалась разрушенной: часть дворянства была вынуждена отправиться в эмиграцию, часть подверглась репрессиям, отдельные представители встали на службу новому государству. Представители разночинной культуры составили основу пролетарской интеллигенции. Крестьянская культура, бывшая «питательной почвой» и фундаментом культуры России (крестьяне в 1897 г. составляли 71% населения), подверглась значительным структурным и содержательным преобразованиям: «раскрестьянивание» сопровождалось насильственным переселением, перемещением в город для работы на заводах, что привело к стиранию социальной памяти и разрушению этой культуры. Городская культура существенно маргинализировалась.

В первое послереволюционное десятилетие складывается ситуация, когда крестьянство —

пусть и достаточно трансформированное — остается доминирующим классом, продолжая сохранять коллективные представления и по-прежнему ощущая свою связь с общиной. Однако эта общинность разрушается.

С одной стороны, это было обусловлено ее «обмирщением», утратой чувства причастности к истинному благочестию и необходимости сохранения православия. Несмотря на то что антирелигиозная пропаганда велась на селе довольно вяло («...ввиду отсутствия руководителей, работа развивается слабо; литературы очень мало, мало распространяется и журнал «Безбожник». Диспуты единичны...») (Стопанин, 1926: 63), атеизм начинает укореняться и занимать ту нишу, из которой вытесняется религия. Функции церкви начала выполнять изба-читальня. Здесь крестьянин мог получить разъяснения по вопросам налогообложения, получить справку о покупке сельскохозяйственного инвентаря и машин, о получении кредита, помощь в написании писем в различные государственные инстанции и просто родственникам (Виленская, 1925: 107). С другой стороны, крестьяне получили землю от правительства, и это существенно упрочило авторитет государства в их глазах. Перемены в отношении советской власти фиксировали и наблюдатели, отмечавшие, что те крестьяне, которые «еще в прошлом 1924 г. ее ругали и проклинали... нынешний год благодарят» (Ленинградские... 1925: 11–12).

Конечно, усиление роли государственных институций и ослабление тех связей, которые составляли суть общинных отношений, не означало разрушения коллективистских представлений крестьянства. Крестьянство по-прежнему демонстрировало набор качеств, позволявший рассматривать их носителя как индивида, представляющего от лица коллектива. Именно такие особенности, как традиционность, инертность, ориентация на прецеденты, и рассматривались властью в качестве наиболее деструктивных качеств крестьянства как класса, с трудом поддающегося быстрому и эффективному управлению. Действительно, крестьянство с трудом

воспринимало интересы советской власти как собственные и проявляло крайнее равнодушие к ее нуждам. В частности, «трудмобилизованные», направляемые на предприятия в порядке трудового набора из различных местностей (в начале 1921 г. в Петрограде на городских предприятиях трудилось около 8 000 таких рабочих (Иванов, Канев, 1961: 11) и используемые в основном в качестве подсобных рабочих — для выгрузки и погрузки, для подвоза дров, на земляных работах и в строительстве, постоянно создавали нестабильность на заводах, будучи готовыми, «не считаясь с положением... под тем или иным предлогом оставить завод и уехать в деревню» (Протокол... 1999: 103).

Кроме того, в условиях слабо развитой промышленности, крестьянство являлось основным производителем продовольственного ресурса, чем поставило себя в оппозицию к власти. После революции произошла интенсивная архаизация отношений и натурализация хозяйства, которая уже в те годы осознавалась как откат к XVII–XVIII вв. (Революция... 1925: 5). Это проявлялось в примитивизации форм хозяйства, в зависимости жизни от собственного труда, здоровья хозяина и наличия лошади, в возрождении подсечного земледелия, в замене плуга на соху, в возвращении к ручным жерновам, в воскрешении домотканины, в отказе от глиняной посуды, приобретаемой у кустарей, и производстве своими силами резной деревянной посуды. Отсутствие рынка и обесценивание денег как эквивалента обмена привело к универсализации в качестве обменной единицы хлеба, когда мера ржи позволяла пересчитывать грибы на ситец. После 1925 г. таким эквивалентом стала сорокаградусная казенная водка (Козлова, 1996: 103–104).

Магазины в таких условиях становились источником всего нескольких видов товаров — соли, спичек, сельскохозяйственного инвентаря, ткани. Иными словами, город деревне не мог дать ничего, что и породило среди крестьян мнение о том, что мы «проживем без города, пусть город без нас проживет» (ЦДНА. Ф. 366). Подобные настро-

ения крестьян были, безусловно, известны власти, которая воспринимала крестьян в качестве не только реакционной силы, но и потенциального источника опасности: «крестьяне представляют собой людей, которые... хозяйничают на себя и своими излишками хлеба могут обратить в рабство рабочих, в силу разрухи промышленности не имеющих возможности дать им эквивалент за хлеб». По мнению В. И. Ленина, отношение власти «к этим мелкобуржуазным собственникам, число которых миллионы, есть отношение войны. Это лежит в основе диктатуры пролетариата» (Шишков, 2004: 508).

Но если обратиться к настроениям пролетариата в 20-е годы, то окажется, что они созвучны настроениям крестьянства. Доминирующими проявлениями здесь становятся равнодушие, политическая индифферентность, неактивность, что фиксируется в сводках информаторов: «К советской власти, компартии и профсоюзам отношение рабочих пассивное», «к текущему моменту относятся пассивно, ибо недостаточно или совсем неразвиты в политическом отношении», «отношение к коллективу (РКП) со стороны большинства рабочих безучастное», «на собраниях наблюдается вялость присутствующих», «не задается вопросов докладчику, резолюции в подавляющем большинстве принимаются предлагаемые докладчиками» (Яров, 1999: 8–10). Интерес же пролетариата подобен интересу самых отсталых в идейно-политическом плане классов и проявляется он исключительно в области хозяйственно-бытовых вопросов. Этим был шокирован лидер меньшевиков Ф. И. Дан, вспоминая, что мысль рабочих масс «не шла дальше непосредственного удовлетворения элементарных потребностей в пище и тепле» (Дан, 1922: 111). В сводке ревстройки 1-го Городского района отмечаются те же интересы рабочих, нарушающих нормальный ход работы спорами о распределении пайков, обуви и одежды, которое интересует их больше, чем «все кронштадские события» (Яров, 1999: 9).

Характерно, что сами рабочие объясняли эти явления политического равнодушия

присутствием в пролетарской среде значительной доли «пришлых элементов», составляющих иногда до 70% и противостоящих «рабочим-коренникам» (Петроградская... 1923). В документах этих лет данные группы описываются как сохраняющие определенную автономию от коренных рабочих, как пассивные в части самостоятельного выдвижения политических или экономических программ и не способные к инициации социальных действий, как замкнутые на себя, достаточно консервативные, инертные и традиционалистские сообщества. Бывшие крестьяне оставались самой конформной частью рабочих, отказывающейся не только от активной политической жизни, но и — довольно часто — от участия в забастовках (Яров, 1999: 26).

Конечно, необходимо принимать во внимание тот факт, что процессы индустриализации в России начались задолго до революции. Предпосылки массового общества складываются уже во второй половине XIX в., и особенно явно эти процессы стали протекать после проведения комплекса реформ — экономических, политических, включающих крестьянскую, и образовательных. Они привели к концу века к промышленному подъему в России, к формированию единого рынка и единой системы железных дорог, к интенсивному росту капитала. О развитии тяжелой промышленности России в 80–90-х годах XIX в. свидетельствует регулярное проведение общенациональных промышленных выставок, где наибольший интерес производителей привлекают разделы «Чугун, железо и сталь», «Машины и аппараты», «Свинец и серебро», «Стеклянное и гончарное дело». В конце XIX в. в России появляется массовое потребление и массовое производство: фабрики по производству мебели, парфюмерии, кондитерских изделий, посуды, бумаги, ателье по массовому стандартному пошиву одежды. В это время процветают компании и товарищества, продукция которых открыто конкурирует с западной: «Проводник» (производство резиновых изделий); «Сиу и К», «Эйнем», «Абрикосов

и сыновья» (кондитерские изделия); «Брокеръ и К», «А. М. Жуковъ» (парфюмерия, табак, напитки).

Стремительно развивается сфера массовых коммуникаций — растет тираж газет и иллюстрированных изданий (к примеру, только искусству фотографии были посвящены специальные журналы «Фотограф», «Вестник фотографа» и «Фотографическое обозрение»), создаются телеграфные агентства, активно развивается печатная реклама и такие ее формы, как плакат, афиша, брошюра, буклет, каталог. Промышленные трансформации охватывают и кустарное производство, которое скоро сменяется профессиональными мастерскими (например, мастерские Ахметьевых в Москве, Гольшева в Мстере), что свидетельствует о постепенной и неявной замене индивидуального творчества промышленным способом создания предметов декоративно-прикладного искусства (Костина, 2004: 111–120).

Естественно, что потомственные и высококвалифицированные рабочие являли собой наиболее активную, свободную, творчески ориентированную часть пролетариата, хотя их представленность в общей массе была гораздо меньше обозначенных ранее 30%. Факты не позволяют говорить о доминировании на ранних этапах развития советской власти массовизированного индивида как актуального представителя общества. Как представляется, это связано не столько со слабостью индустриальных отношений в 20-е годы в Советской России (подобная же неразвитость институтов массового общества в Европе уже конца XIX в. позволяла тем не менее увидеть этот феномен настолько отчетливо, что уже Ф. Ницше выразил к нему свое отношение, обозначив феномен массы через отнюдь не философскую категорию «стадо»), но с доминированием в этот период совершенно иных типов исторического субъекта — коллективной личности и личности индивидуализированной. Массовизированный же индивид станет основным историческим презентантом в следующее де-

сятилетие, знаменуя начало развития совершенно иного типа культуры.

**Субъект культуры 20-х годов
как создатель социального пространства:
пролетариат**

О ярко выраженной личностной составляющей той небольшой части рабочих, которая в первое десятилетие советской власти проявляла себя достаточно активно, свидетельствует целый ряд фактов. В первую очередь, это осознанное участие многих из них в оппозиционной политической деятельности (прежде всего в партиях эсеров и меньшевиков), что привело к размежеванию профсоюзов в течение нескольких месяцев после Февральской революции по политическому признаку. Хотя уже на I Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1918 г. среди делегатов было 273 большевика, 66 меньшевиков и 33 представителя других партий, а в 1922 г. на V съезде — 773 большевика и 2 меньшевика при отсутствии оппозиционных групп (Панкратов, 1927: 146). В 1922–1923 гг., когда единственной легитимной партией оставалась партия большевиков, борьба с инакомыслием приобрела экономический характер, вылившись в форму так называемых перерегистраций, а по существу — локаутов. Перерегистрация означала увольнение всех рабочих, а их прием на работу осуществлялся специальной комиссией, отсеивавшей «неблагонадежных». В 1921 г. в Петрограде перерегистрация была проведена на Трубочном и Обуховском заводе, на Невской ниточной фабрике и фабрике Лаферм. Уволенных рабочих согласно принятому весной 1919 г. постановлению ВСРМ первоначально планировалось выселять на Дон для постоянного поселения. Однако подобных рабочих, проявлявших способность критически относиться к власти и навязываемым ею идеям, было достаточно много, и это решение оказалось неисполнимым — рабочие либо направлялись на другие предприятия, либо возвращались на свои заводы (Яров, 1999: 157–158).

Несмотря на укрепившееся мнение о том, что крупные заводы с дореволюционными

традициями — Металлический, Обуховский, Новый Леснер — были оплотом господствующей власти, именно здесь наблюдались наиболее последовательные попытки рабочих выразить собственное мнение об Учредительном собрании, о системе распределения, о профсоюзах. Среди профсоюзов Союз печатников и Союз химиков демонстрировали наибольшую автономность от власти, что привело к организации альтернативного «красного» Союза печатников, назначению ВЦСПС (под предлогом преодоления раскола) объединительного съезда и избранию на нем большевистского правления, роспуску старого Союза. Характерно, что даже такие крупные и хорошо спланированные акции, как суд над эсерами в 1922 г., не порождали единомыслия откликов и мнений. Так, на Обуховском заводе после доклада о контрреволюционной деятельности этой партии выступил рабочий минной мастерской Капустин, который дал оценку борьбе большевиков и эсеров как борьбе за власть, к которой рабочие не причастны, сам же суд противоречит здравому смыслу, так как при любом строе «вся тяжесть ложится на плечи рабочего», и нужен не суд, а «общее объединение». Несмотря на то что оратор был арестован, на этом же предприятии позже уполномоченный от рабочих Степанов высказал упреки в том, что постоянно дают высказаться только одной стороне, что не позволяет оценить ситуацию объективно (Яров, 1999: 149–151). В этот период ярко проявилось то, что позже — с положительными коннотациями — получило определение «творчества масс». Это и социально-политическая активность — в Петрограде к 1923 г. насчитывалось более 3000 активистов, основными видами общественной работы которых являлось делегатство на предприятиях, членство в профкомах, участие в конфликтных комиссиях, кооперативах, контрольных органах (Василяшко, 1979: 71), и активность социально-художественная, где задолго до начала политической революции начала осуществляться «революция духа».

**Советская эпоха 1930-х годов:
иерархичность, тотализация, канонизация
как сущностные свойства культуры
автократического типа**

Особенности культурного развития 30-х годов были во многом обусловлены изменением экономической и политической ситуации, когда значимыми становятся, с одной стороны, несомненные достижения Советской России, с другой — такие негативные моменты, как голод 1932–1933 гг., драматические последствия коллективизации и индустриализации, усиливающийся культ вождя, предощущение Второй мировой войны. Специфика социального и культурного развития этого периода связана с усилением идеологического контроля, направленного на формирование строго заданного содержания.

Именно в 30-е годы получает окончательное оформление автократический тип культуры, который характеризуется совокупностью специфических особенностей: иерархичностью, что, в частности, отражается в наличии специализированной группы создателей культуры, или культурных экспертов, занимающих высокую ступень в социальной иерархии; высокой степенью упорядоченности всех элементов культуры; канонизацией культурных образцов, получивших статус легитимных (начиная от политической жизни, искусства и заканчивая способами поведения); тотализацией, где культура представляет универсальные интерпретационные схемы, объясняющие специфику бытия и сущего; исключением чуждых культурных элементов, стремлением к цельности, связности и взаимозависимости элементов, обеспечивающих культуре стабильность гештальта и динамики воспроизводства; упрощением, сведением сложных явлений к простым; телеологической ориентированностью, осознанием всем обществом высокой цели, имеющей черты романтического идеала, и стремлением к ней; направленностью культуры и идеологии как ее составляющей на легитимацию власти (Ионин, 1996: 181).

По существу, именно в 30-е годы XX в. в России формируется такой тип личности,

как массовизированный индивид, характеристики которого были подвергнуты детальному анализу в работах Х. Ортеги-и-Гассета, Г. Маркузе, Э. Фромма. Он и становится основным презентантом культуры указанного периода. Подчеркнем, что в данной работе субъект культуры понимается не столько в качестве некоего активного, преобразующего начала, провоцирующего весьма важные и обширные по степени влияния и последствиям процессы, сколько в качестве представителя определенной культуры, социальной общности или группы, воплощающего типичные для конкретной социокультурной общности характеристики, иными словами, выступающего не столько в качестве творца данной культуры, сколько в качестве носителя ее ценностей.

Сущностные качества массовизированного индивида определяются теми историческими обстоятельствами, в которых он конституировался. Индустриальные процессы и сопровождающие их процессы урбанизации и маргинализации вызвали омассовление культуры и появление стандартизированного индивида с утраченной субъективностью и стертым личностным началом. Эта ситуация, в которой, по Х. Ортеге-и-Гассету, герои исчезли, остался лишь хор, была ситуацией оформления как господствующего типа личности человека массы со стандартным набором способностей и потребностей. Исследователь с тревогой констатировал нарушение традиционного равновесия между высокодуховной и высококвалифицированной частью общества и остальной его частью, а также рост социального преобладания массовизированного типа личности с его нацеленностью на расширенное паразитарное потребление, с неизбежностью приводящего к вульгаризации культуры. Согласно представлениям испанского философа массовый человек воспринимает жизнь как поле наслаждений, будучи уверенным, что может подняться на высшую ступень социально-иерархической лестницы, считает свои желания и потребности самыми значимыми и убежден в том, что общество и государство долж-

ны их удовлетворять, а свои представления о красоте и нравственных идеалах, далеко не безупречные, он рассматривает в качестве абсолютов (Ортега-и-Гассет, 1991: 315–319).

Именно такому типу личности Н. Бердяев дал определение «человека малого пути», живущего «без усилий, не старающегося себя исправить и улучшить», «плывущего по течению» (Бердяев, 1995: 143, 121). Подобный тип личности, торжествующий повсюду — и в искусстве, и экономике, и политике, уничтожающий все, отличное от стандарта, выдающееся, личностное, и принимающий лишь то, что выдержано в рамках его представлений, был прямым порождением цивилизации с ее принципами эквивалентности и рациональности.

Отношение к этому бессубъектному человеку было и остается резко критическим. Однако здесь представляется необходимым подчеркнуть, что появление этого типа индивида было исторически обусловленным, человек массы сформировался в тех условиях, когда массовое общество начинало приобретать свои классические очертания и когда его нестабильность, конфликтность, противоречивость проступали со всей очевидностью. Человек массы во всех областях сразу стал занимать нейтральное положение — в системе информации довольствовался адаптированным, усредненным знанием, в системе социальной — демонстрировал тотальный конформизм, воспринимая как данность тот набор смыслов, значений и ценностей, который содержится в транслируемой средствами коммуникации картине мира. Характерно, что в России эти универсальные обстоятельства, связанные с развитием индустриальных отношений в границах любой социокультурной системы, дополнялись спецификой момента, которая заключалась в особом социальном статусе рабочих как классового лидера. Идентичность рабочих была, по-видимому, основана не только на общности «классового» сознания, но и на ощущении причастности к классу, занимающему высшие позиции в градации иерархий. Это доминирование носило как символический характер, так и сугубо материальный и начало

ощущаться уже 1920-е годы. Оно становилось основой для распределения жилья, где «уплотнение» означало и изменение социального статуса — повышение для «уплотняющихся» и понижение для «уплотненных». Доминирование пролетариата ощущалось и в сфере продовольственного обеспечения. Уравнительная оплата труда сопровождалась в Петрограде в 1920–1921 гг. отменой платы за услуги в городах, а в мае 1918 г. увеличением рабочих пайков за счет «лиц свободных профессий». Более того, признание правомерности подобных привилегий стало столь устойчивой константой «классового сознания», что вылилось в формирование «рабочей оппозиции» 1920–1922 гг. Она возникла, среди прочих причин, из-за недовольства рабочих большими пайками для специалистов и служащих, что воспринималось первыми как нарушение собственных законных и неотторжимых прав.

Характерно, что для человека массы сфера индивидуальная представлялась столь несущественной, что производственная, бытовая и политическая сферы стали восприниматься как тесно взаимосвязанные, а бытовое поведение стало трактоваться как производственное и политическое (достаточно вспомнить практику вмешательства государства в дела семьи и возложение на него ответственности за изменение семейно-брачных традиций). Планомерное включение рабочего в политическую жизнь, неучастие в которой расценивалось как нарушение трудовой дисциплины, привело к фактическому совпадению методов трудового и политического контроля. И, несмотря на уверенность в социальной справедливости советского общества, возведшего пролетария на самый верх социальной пирамиды, рабочий в России, по существу, стал носителем той же конформистски ориентированной идеологии, что и его западный собрат. Основные изменения качественных параметров этого человека массы были связаны с переориентацией его внутренней событийности на внешнюю, что проявилось в потребности не выделяться из окружающего мира и дей-

ствовать в соответствии с ним. Подобные люди стали нуждаться в жесткой власти и государстве, которые могли обеспечить их стереотипами поведения, социальными ориентирами, ценностными установками и системой «психической разгрузки». Этого «человека организации» (White, 1956), так же как и «человека-локатора» (Riesmen, 1953), характеризовала ориентация на мнение других людей, поиск одобрения своих действий у окружающих, низкий уровень интересов, конформность, податливость чужим влияниям.

Тоталитарная культура: объективизация субъекта

В этой ситуации можно было бы удивляться недалекости или идеологической ангажированности многих видных зарубежных деятелей науки и искусства, причем далеких от политики, приезжавших в Советскую Россию 30-х годов и искреннее восхищавшихся Советской страной. «Преобладающее впечатление моего путешествия в Москву, — писал Р. Роллан, — это мощный поток молодой, бьющей через край жизненной силы, ликующей от сознания своей мощи, гордой за свои успехи, от уверенности в своей правоте, от веры в свою миссию. Я знаю, что Советский Союз является самой мощной гарантией социального прогресса и что человеческое счастье находится под его защитой» (Роллан, 1972: 24). В этом же смысле высказывался Г. Манн: «Пусть знает Советский Союз, какой гуманистический пример подает он миру. Где бы на земле ни боролись люди за свободу, за свою независимость, за право самим строить свое счастье — везде рядом стоит великий образ Советского Союза» (Манн, 1937). В. Беньямин был заморожен идеей о торжестве коммунизма, столь необходимого перед угрозой стремительно наступающего национал-социализма, которая имплицитно присутствует в его «Московском дневнике». Возникает впечатление, что в подобных настроениях ощущается действие «механизма эмоционального заражения», описанного еще в кон-

це XIX в. Г. Тардом и Г. Лебоном, когда в высказываниях независимых в своих суждениях авторов слышны панегирики из официальной советской прессы о том, что «радостным ключом бьет жизнь нашей великой страны, вступившей во второй стахановский год...», о «миллионах трудящихся, подводящих итоги победам стахановского года и с новой силой, энергией и энтузиазмом продолжающих борьбу за полную победу коммунизма, за новую жизнь, за дальнейшее повышение своего морального и культурного уровня...» (От редакции, 1936: 1–2).

Не верится, что в это же время шел процесс Каменева и Зиновьева, второй «московский» процесс Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова и третий с главными обвиняемыми Бухариным и Рыковым, состоялся суд над высшими военачальниками — Тухачевским, Блюхером и др. С трудом можно поверить, что во время этого радостного торжества оптимизма за год (между январем 1937 и декабрем 1939 г.) было арестовано около 7 млн человек, из которых расстреляно и умерло в заключении более 2 млн (Чегодаева, 2003: 72–74). Естественно, что в подобной, репрессивной по отношению и к отдельному человеку, и к обществу в целом, ситуации человек был вынужден избирать те механизмы жизнедеятельности, которые были и наиболее оптимальными с точки зрения его простого выживания. Успешное функционирование государственного режима оказывается сопряженным со стабильностью адаптивного социокультурного поля и эффективностью избранных адаптивных стратегий, способствующих созданию таких информационных ситуаций, в которых:

— субъект получает только такую информацию, содержание и объем которой соответствуют требованиям режима;

— неофициальные источники информации заранее объявляются ложными, а попытки получения альтернативной информации объявляются преступными;

— владение метаинформацией (информацией о местонахождении информации) являются прерогативой режима;

— содержащаяся в библиотеках, архивах, музеях и т. п. информация подлежит тщательной проверке и отбору;

— произведения искусства оцениваются с точки зрения продуктивности для режима содержащейся в них информации.

Индивид в этих условиях выбирает адаптационную стратегию, где вне зависимости от его отношения к культурной цели — ее отвержения или принятия — институциональные правила и нормы, предназначенные для достижения данной цели, им принимаются и исполняются. В результате ритуального следования и соответствия институциональной модели субъект получает иллюзию защищенности, а государство — возможность эффективного управления массовым сознанием. При этом у человека, действующего в ограниченном информационном поле и нуждающегося в быстрой адаптации, уменьшается социальный и эмоциональный дискомфорт, а отчуждение от общества нивелируется посредством формального коллективизма. Данный тип личности характеризуется тем, что, с одной стороны, легко поддается информационному манипулированию извне, а с другой — постоянно нуждается в таком манипулировании.

Если же говорить о тех приезжающих в довоенный Советский Союз видных представителях мировой общественности, то здесь, представляется, можно было увидеть иные причины их увлечения социалистическим строительством. Привлекательной для мыслителей оказалась не та действительность, которую можно было наблюдать, а идея возможного идеального мира, которая была в него заложена потенциально. Это осознавал и знаменитый экономист Дж. Кейнс, отмечавший, что студенты Кембриджа, отправляющиеся «в обязательное путешествие в святую землю большевизма», не испытывают разочарования при виде царящей там нищеты. Они видят там совсем другое — идеал человека, освобожденного от погони за прибылью (Рыклин, 2005: 44). Этот человек выступал как утративший свои частные интересы и предстал как часть великой социальной

системы, где доминирует один разум и одна воля. В ситуации глубокого экономического кризиса и идеологической жесткости формирование человека как части массы было вполне оправданной стратегией. При этом тоталитарная социальная система с ее подавлением личностного начала и поддержанием коллективизма как личностной нейтральности неизменно воспроизводила и определенный тип субъекта исторического действия, а именно массовизированного индивида с доминирующими коллективистскими представлениями. Субъектом истории, т. е. источником социального и культурного развития, этого индивида назвать с полным основанием, скорее всего, затруднительно. Он являлся субъектом исторического развития в марксовом понимании — в качестве человека, творящего историю как факт собственного бытия в процессе своего повседневного существования. Однако, еще раз подчеркнем, человек массы свою причастность к осуществлению истории ощущал, и, возможно, в этом заключалась его историческая миссия.

Таким образом, специфика советской культуры 30-х годов определялась не только теми социальными и экономическими задачами, которые она помогала решать государству, но и своеобразной замкнутостью, изолированностью Советского государства, существующей вплоть до 60-х годов. В отличие от западного советское общество, функционирующее в своих типичных формах в 30–60-х годах XX в., было массовым тоталитарным обществом мобилизационного типа, оно характеризовалось закрытостью, милитаризмом, отсутствием демократии и гарантии прав личности (Тоталитаризм, 1989). Тоталитаризм, как известно, не являлся особенностью исключительно советского государственного устройства, но определял и характер политических систем Германии, Испании, Италии, Китая в период между 30-ми и 60-ми годами, что во многом обусловило сходство массовой культуры этих стран, особенно России и Германии.

Если же сопоставлять советскую культуру 20-х и 30-х годов, то можно отметить, что

эти два этапа культурного развития представляют реализацию противоположных адаптационных стратегий, одна из которых направлена на реализацию креационного потенциала культуры и творческого потенциала человека, другая — на видимую его гармонизацию со средой. Это позволяет определить культуру 20-х как гуманистическую, сохраняющую и развивающую присущее человеку стремление к творчеству, а субъекта культуры этого периода (доминирующего не количественно, но качественно) можно рассматривать в характеристиках преобладающего личностного начала. Этот индивид как творец истории обладал ярко выраженными чертами субъектности, т. е. способности к творческому преобразованию действительности.

Доминантой же культуры 30-х годов стала нацеленность на гармонизацию человека в обществе через предлагаемые ей унифицированные адаптационные стратегии, когда государство в достаточно жестких политических и экономических обстоятельствах начало целенаправленно создавать адаптивные ситуации, не предполагающие активных поисков их разрешения, а, наоборот, заключающие в самих себе готовые «ответы», что в итоге заставляло личность обращаться за ними к государству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев, Н. (1995) *Философия неравенства*. М.
- Василашко, А. В. (1979) *Вовлечение рабочих Ленинграда в советское строительство в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.)* // *Рабочие Северо-Запада РСФСР в период строительства социализма* : сб. науч. тр. Л.
- Виленская, Я. (1925) *Имба-читальня — опорный пункт просветительской работы* // *О чем нужно рассказывать в деревне*. Самара.
- Дан, Ф. (1922) *Два года скитаний (1919–1921 гг.)*. Берлин.
- Иванов, В. М., Канев, С. Н. (1961). *На мирной основе. Ленинградская партийная организация в борьбе за восстановление промышленного города. 1921–1925 гг.* Л.
- Ионин, А. Г. (1996) *Социология культуры*. М.
- История СССР (1986) XIX — начало XX в. М.
- Ленинградские рабочие в деревне (1925) // *Итоги летних рабочих отпусков в 1929 г.* / под ред. Н. Маторих. Л.
- Козлова, Н. Н. (1996) *Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора)*. М.
- Протокол общего собрания рабочих Балтийского судостроительного и механического завода о положении на предприятии // *ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 26–28 об. Подлинник.* (Цит. по: Яров, 1999: 103).
- Костина, А. В. (2004) *Массовая культура как феномен постиндустриального общества*. М.
- Лурье, С. В. (2004) *Историческая этнология*. М.
- Манн, Г. (1937) *Приветственное обращение в «Правде» 7 ноября 1937 г.*
- Ортега-и-Гассет, Х. (1991) *Восстание масс* // *Эстетика. Философия. Культура*. М.
- От редакции (1936) *Разоблачить врагов народа* // *Архитектура СССР*. 1936. №9.
- Панкратов, А. М. (1927) *Политическая борьба в российском профдвижении. 1917–1921*. Л.
- Петроградская правда* (1923) 20 мая.
- Революция в деревне* (1925) Л.
- Роллан, Р. (1972). *Из выступления 1935 г.* // *Наука и жизнь*. 1972. № 7.
- Рыклин, М. (2005) *За кулисами революции. Красный Октябрь Вальтера Беньямина* // *Советская власть и медиа* : сб. ст. / под ред. Х. Гюнтера, С. Хэнсен. СПб.
- Стопанин, А. М. (1926) *Очерки новой деревни и партработы в ней : по материалам Волоколамского уезда*. М.
- Тоталитаризм как исторический феномен (1989) М. : Философское общество СССР.*
- ЦДНА. Ф. 366.*
- Чегодаева, М. (2003) *Социалистический реализм — мифы и реальность*. М.
- Шишков, А. (1922) *Крестьянство и советская власть* // *Крестьянская Россия* : сб. ст. Прага. Т. 1.
- Яров, С. В. (1999) *Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг.* СПб.
- Riesmen, D. (1953) *The Lonely Crowd*. N. Y.
- White, W. (1956) *The Organization Man*. N. Y.